

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Власть не была бы властью, если бы при проведении своей политики не опиралась на законы. Политика, осуществляемая властью с опорой на уголовный закон, есть уголовная политика. Как и любая иная политика, она сама по себе есть власть, и, следовательно, нуждается в своей стратегии и своей тактике. Отмеченное потребовало взаимосвязанного рассмотрения вопросов власти как уголовной политики и уголовной политики как власти.

Поход к проблеме. Как показывает жизнь, каждый человек, получивший волею случая, обстоятельств или в результате собственных целеустремленных усилий хотя бы небольшую власть, обычно пытается не только всячески удержать ее, но и всемерно ее укрепить, а по возможности и расширить, преумножить, развить, продвигать.

Усилия эти сопровождаются, как правило, обычным житейским убеждением в том, что... «не боги горшки обжигают», «любая власть – от бога», «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» и т.д. При этом, однако, подчас забывается, что для того, чтобы «горшки обжигать», а тем более осуществлять власть, надо этому настойчиво учиться, овладевать знаниями, большой наукой управления государственными делами. На этом «споткнулось» немало вознесшихся на вершины власти людей, включая Н.С.Хрущева, М.С.Горбачева, Б.Н.Ельцина.

Но время властителей-самоучек безвозвратно прошло. Если в тех же США отсутствие достаточной компетентности у главы государства (например, Р.Рейган постоянно путался у политической карты мира, смешивая, скажем, Австрию с Австралией) с лихвой окупается опытом бывших президентов, которые, отработав положенные сроки на этом высоком посту, как бы продолжают руководить государством, внося свой вклад в это сложное дело

своим опытом, в том числе отраженным в архивных материалах, мемуарной и иной литературе, а во многих случаях – и занимая в администрации действующего главы государства должности помощников, советников, консультантов и т.д., то у нас, как и в целом ряде других стран, этого ресурса нет. Поэтому каждый «экс» обычно считается безнадежно «отработанным материалом», стиль его работы, методы и направления деятельности, как и он сам, как правило, резко осуждаются, к его советам (если он остается еще жив и, вместе с тем, не оказывается заточенным в тюрьму), конечно же, никто не прислушивается.

Мы – «сами с усами», так обычно считает каждый вновь пришедший к власти высокопоставленный чиновник, хотя он самостоятельно еще, может быть, даже, как говорится, гвоздя в стенку не забил. И, тем не менее, при определенной сноровке «новичок» нередко быстро пересаживается из одного руководящего кресла в другое, и так порой добирается до самых высоких постов в государстве. Дело же – разваливается.

В то же время, человек, «дорвавшийся» до достаточно высоких рубежей власти, всегда стремится как-то «застолбить» этот свой успех, причем если не «на всю оставшуюся жизнь», то, по крайней мере, на максимально продолжительное время. Вольно или не вольно, сознательно или подсознательно, прямо или косвенно, он все же понимает, что любая большая власть начинается обычно с власти небольшой, а может быть, даже с совсем незначительной, мизерной, ничтожной, в том числе вообще мнимой, иллюзорной, призрачной. Взойдя на очередную ступень власти, он, тем не менее, идет и дальше. Так было со многими «вершителями судеб» в прошлом, так, собственно, происходит и в наш просвещенный XXI век во многих концах мира, включая, может быть, в чем-то и нашу страну, надолго, как видно, связавшую свою судьбу с «Единой Россией» и ее весьма удачливыми функционерами.

Человек, крепко вцепившись в ту власть, которая дарована ему случаем или обстоятельствами, не только, по общему правилу, никогда не расстаётся с мыслью о том, что... «так предназначено судьбой», но и рассуждает еще бо-

лее широко, масштабно, глобально: придет, мол, время и о нем еще заговорит пресса. А затем он, может быть, уверенно, широкими шагами, размахисто пойдет дальше – «вперед и с песней», как порой шагают вверх лестничными маршами иные наши карьерные «акселераты» с непомерно завышенными властными амбициями. В настоящее время там – наверху – их скопилось настолько много, что верховная власть уже не успевает чистить собственные «авгиевы конюшни», и коррупция, как и смрад от нее, обильно распространяется по всему общественному пространству. Проблема!

С такими людьми нелегко иметь дело – особенно если они опираются на силу уголовного закона. Любая инициатива снизу рассматривается ими как посягательство на их безраздельное властное положение, и они безжалостно расправляются с «отщепенцами». Эти люди ведь хорошо усвоили поучения великого китайского философа Конфуция, полагавшего, что если чиновник отдаст кому-то хотя бы каплю своей власти, то может потерять и всю ее. В данной связи вспоминается тактика небезызвестного киногероя Штирлица, который время от времени подбрасывал своему вышестоящему начальнику какую-то новую идею, а тот делал вид, будто бы пропускает ее мимо ушей, но затем, выждав какое-то время, уже в собственной «упаковке» подавал ее на совещаниях как свою. В результате его позиции существенно укреплялись. Это не только позволяло руководителю удерживаться «на плаву», но и быстро шагать дальше по ступеням карьерных лестниц.

Понятно, что если руководитель будет признавать за подчиненным его право на «ценные мысли», то тем самым он косвенно будет как бы признавать собственную неполноценность, причем не только свою «вторичность» по отношению к подчиненному, но и вообще ненужность себя как функционера системы. Вот почему, приняв решение, даже порой самое неудачное, он, как правило, уже не отступает от него. «Так я решил», – традиционный его ответ на недоуменные в подобных случаях вопросы, основывающийся на полной убежденности в том, что именно это нужно для того, чтобы его власть оставалась непоколебимой. Он ведь ни какой-нибудь «перевертыш», чтобы, меняя

свои решения, «крутиться как ванька-встанька». Ему нужен именно прямой путь – ровный как струна. Все это со временем превращается в стиль, образ жизни, сущность поведения. И что самое странное – часто находит поддержку в верхних эшелонах власти. А дело опять-таки страдает, в том числе дело противодействия преступности – этому, может быть, самому главному злу человека, общества, государства, человечества.

Но случается так, что в среде подчиненных появляется человек со своими мнениями, представлениями, конструктивными предложениями, причем явно превосходящий руководителя в профессиональном смысле. Отойти в сторону, уступив дорогу растущему таланту, руководитель, конечно же, психологически часто оказывается не готовым. Отсюда – гонение на «умника», «выскочку», «молокососа», в том числе – с использованием достаточно жестких уголовно-правовых средств. Вследствие этого наступает общий упадок и деградация системы. Система при этом перестает быть системой, так как становится неповоротливой, нерациональной, нежизнеспособной и, естественно, рано или поздно разрушается под воздействием неизбежных в таком случае внутренних и внешних возмущений.

Конечно, государство – не человек, но никуда не деться от того, что оно все же во многом персонифицировано, то есть представлено в лицах, конкретных носителях властных полномочий. Именно поэтому здесь понадобилось вот такое своеобразное и несколько, может быть, затянутое предупреждение к заявленной в названии данной статьи теме.

А теперь – по существу темы.

Власть как уголовная политика. Сегодня всем хорошо известно, что любая маленькая власть в сочетании с достаточно большой уголовно-правовой силой, становится мощной и по существу несокрушимой. Такая маленькая власть порождает власть большую – нередко практически неограниченную. Эту аксиому прекрасно знали все крупные властители всех времен и народов, а поэтому, опираясь на нее, все они всегда быстро продвигались вперед, причем часто шли в этом буквально «по трупам» и, конечно же, под фла-

гом борьбы, именно борьбы и только борьбы. Неважно, какой борьбы, с кем, с чем, зачем, а важно лишь то, что сама эта борьба *была* – с разбойниками, бандитами, врагами народа, предателями, двурушниками, вредителями, диверсантами, расхитителями, тунеядцами, бродягами, попрошайками, рвачами, казнокрадами, коррупционерами, педофилами, террористами, экстремистами, алкоголиками, наркоманами, больными венерическими заболеваниями, ВИЧ-инфицированными и т.п. Не случайно свой единственный литературный опус Гитлер так и озаглавил – «Моя борьба».

Без дубинки *большой* уголовной политики не мог бы состояться ни один известный нам доселе более или менее крупный «вождь». Например, тому же Гитлеру для целей «борьбы» всегда были нужны и «опасные евреи», и «тупые славяне», и «грязные цыгане», и «подлые коммунисты». Да мало ли кто еще. И, надо сказать, что со всеми он боролся яростно, неистово, насмерть, до последней своей жертвы и до последнего своего вздоха. Но что мог сделать Гитлер без, например, Гиммлера – организатора фашистского террора, главаря СС, гестапо, имперского министра внутренних дел), а Сталин – без Ежова, Берии, Абакумова, других карательных «инструментов» власти? Конечно же, ничего. Как и всегда, в настоящее время власть без репрессивных мер тоже редко обходится – если обходится вообще.

Такова правда жизни, хотя часто в результате сказанного она несуразна, отвратительна и омерзительна – как по содержанию, так и по форме. Конечно, наш просвещенный XXI век с его обновляющимися политическими, правовыми, философскими и иными идеями, как правило, срывает маски с лидеров-палачей, еще позволяющих себе без суда и следствия убивать людей, в том числе десятками, сотнями и тысячами. В том числе, когда это делается под лозунгами борьбы за демократию, свободу, права человека. Иногда в основе жесточайших карательных мер – неприкрытое стремлением лидеров установить контроль над ресурсами в тех или иных регионах мира и тем самым обеспечивать дальнейшее безбедное существование государств так называе-

мого «золотого миллиарда» – за счет, конечно же, продолжающегося жалкого прозябания остальных шести миллиардов населения планеты.

Подобные фанаты «рационального мироустройства» претендуют даже на то, чтобы сплотить ООН и НАТО в единый «боевой» альянс, который путем раздувания внутригосударственных конфликтов и авиационных бомбардировок, наемничества и организации судилищ над «протестантами» продолжал бы и дальше творить произвол. Одного «срывания масок» здесь, безусловно, недостаточно. Силе должна быть противопоставлена именно сила, а не просто слова. В том числе такая сила, в основе которой – не только национальные законодательства, но и общепризнанные принципы и нормы международного права.

Каждая партия идет к власти, как известно, под флагом закона и порядка. Однако нередко случается так, что, придя к власти, она уже буквально на следующий день втаптывает в грязь и закон, и порядок. Отнимите у власти уголовную политику, и она, представ перед трудноразрешимой дилеммой – либо все же продолжать властвовать, но хотя бы внешне соблюдать какие-то рамки приличия, либо безвозвратно и навсегда уйти с политической сцены – неизбежно попятится назад, опомнится, смягчится и, в конце концов, станет, может быть, «ласковее» самого нежного котенка. Но как это сделать? Сделать это можно только путем придания самой уголовной политике необходимой самостоятельности.

В результате длительных размышлений мы пришли к выводу о том, что устоявшиеся представления о существовании лишь трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) сегодня следует признать устаревшими. Ведь трудно отрицать наличие еще и таких ветвей власти, как, например, власть военная, правоохранительная, идеологическая и т.д. Можно говорить еще и о власти корпоративной, супружеской, родительской и т.п., но это уже, как говорится – «из другой оперы».

Например, тот же Сталин, опасаясь заговора высших военных чинов, «давил» их как мог, начиная буквально с первых дней набора своей безмерной

властной высоты и кончая послевоенной расправой над маршалом Г.К.Жуковым и некоторыми другими популярными нашими военачальниками, обессмертившими свои имена на фронтах Великой Отечественной войны. Окончательно «доконал» (собственно, по тем же весьма непривлекательным мотивам) главного героя минувшей войны (Г.К.Жукова) Н.С.Хрущев.

Сегодня некоторые наши руководители, формируя (подозреваем, тоже не без некоторых элементов все тех же мотивов) «команды» своего ближайшего окружения, вообще предпочитают держать на высоких должностях людей, мало сведущих в соответствующих профессиональных вопросах, но лично преданных им, как говорится, «до гроба». В результате часто получается так, что дела разваливаются, но сама по себе властная пирамида сохраняется. Она стоит «как скала», и о нее неизбежно разбиваются любые волны любых социальных «катаклизмов и бурь». А дело, повторяем – разваливается.

Если же говорить о современном государстве, то оно покоится, конечно же, не на известных «трех китах», о которых нам когда-то рассказывали в своих лекциях профессора в вузах и о которых мы теперь сами говорим студентам («три системы сдержек и противовесов», «три ветви власти» и т.д.), а на бесчисленном множестве самых разнообразных структурных элементах «горизонтального», «вертикального» и прочего «косо-поперечного» и «продольно-подпорочного» свойства. Каждый более или менее крупный руководитель изобретает «под себя» все новые и новые приспособления крепости своей власти, усиливая не только все ее «вертикали» и «горизонтали», но и буквально все ее длинные и короткие, косые и кривые, прямые и наклонные, диагональные и поперечные «ребра жесткости» – чтобы стояла не просто «как скала», а как Эйфелева башня в Париже, а еще лучше – как египетская пирамида Хеопса.

По крайней мере, участь ни вавилонской, ни пизанской башен, ни, тем более, нью-йоркских башен-близнецов ей не должна угрожать. Мало-мальская государственная или муниципальная «инстанция» подчас так напичкана всякого рода «замами», «помами», «советниками» и другими «управленцами»,

что прямо-таки глаза разбегаются. В особой степени это касается уголовно-правоохранительной системы, управленческий аппарат которой в настоящее время, несмотря на бесчисленные реформы, так разросся (в основном за счет сокращения тех, кто работает, так сказать, «на земле»), что становится уже просто некого послать на место происшествия.

Замечено, что высшие наши чины, впрочем, как и многие мелкие, но все же весьма колоритные руководители, выходят чаще всего из недр МВД, ФСБ, прокуратуры и т.д., то есть из среды силовых правоохранительных ведомств, других вооруженных отрядов власти. И это – не изобретение России. Например, в кичащейся давними демократическими традициями Франции на посту президента вот уже в течение ряда лет находится бывший глава МВД этого государства. Правда, грядущие выборы могут пресечь его дальнейшее пребывание на этом высоком посту.

С другой стороны, на укрепление уголовно-правоохранительных структур довольно часто «бросают» так называемых общегражданских чиновников, полагая, по-видимому, что именно они «привьют» уголовно-правоохранительному офицерству необходимую профессиональную культуру, придадут ему привлекательный в широких общественных кругах облик. Смычка общегражданской и уголовно-правоохранительной властей сегодня настолько усилилась, что разомкнуть ее может лишь утверждение самой уголовной политики как власти. Поэтому переходим именно к этому – второму – вопросу темы.

Уголовная политика как власть. Утверждение уголовной политики как власти в значительной мере лишает саму власть непосредственной опоры на уголовную политику в достижении ее амбициозных целей властвовать не просто «как можно дольше», а *бесконечно* долго. Правда, в этом случае она может, образно говоря, в тех же целях «ухватиться» за рычаги военной политики, но здесь могут понадобиться свои манипуляции, в том числе такие, как усиление контроля над армией и флотом со стороны «недреманного ока государства» – прокуратуры, а также других органов с той же компетенцией (на-

пример, ФСБ), практика назначения на некоторые воинские должности «штатских» сотрудников и т.д.

Требование известной независимости уголовно-правоохранительных органов самым непосредственным образом вытекает из принципа независимости судов и подчиненности их только закону. Если вершина уголовно-правоохранительной системы (суд) должна быть достаточно самостоятельна, то и вся эта система не может быть слепым и послушным орудием исполнительной власти. «Управлять» уголовно-правоохранительными органами, диктуя им, кого «можно», а кого «нельзя» подвергать уголовному преследованию – это означало бы превратить сам уголовный закон во всем известное «дышло».

Вот почему вмешательство в деятельность сотрудников правоохранительных органов по законодательству многих государств есть деяние уголовно-наказуемое. Уголовно-правоохранительные органы, как и Вооруженные Силы страны, не должны вовлекаться в межпартийные и другие подобные «разборки». В этом смысле они должны быть вне политики. Но в смысле реализации требований действующих законов силовые структуры, конечно же, должны проявлять достаточно высокую и последовательную активность. В этом, собственно, и должна состоять их главная политика.

В правовом государстве любая власть, будь-то законодательная, исполнительная или судебная, есть власть, прежде всего, закона. Конечно, никакая власть закона невозможна без реализующих его *органов*, но последние в условиях *всевластия* закона должны действовать не произвольно, не так, как захочется тому или иному наделенному властными полномочиями должностному лицу, не, тем более, в его коррупционных интересах, не в целях обеспечения слепого повиновения и подавления всякого сопротивления со стороны подчиненных или просто свободно мыслящих людей, а в строгом соответствии с законом, то есть правильно, предсказуемо, а главное – с достаточно весомой и очевидной пользой для граждан, общества, государства.

Итак, в рамках исполнительной власти функционирует *власть правоохранительная*. Ее достаточно самостоятельный блок – *власть уголовно-правоохранительная*, включающая, в свою очередь, *власть уголовно-правовую* (установление преступлений и наказаний), *уголовно-профилактическую* (предупреждение преступлений), *уголовно-тактическую* (обнаружение, раскрытие и расследование преступлений), *уголовно-криминалистическую* (техническое обеспечение расследования преступлений), *уголовно-процессуальную* (формирование доказательственной базы обвинения в рамках возбужденных уголовных дел и рассмотрения этих дел в суде, назначение наказаний, разрешение других вытекающих из дел вопросов), *уголовно-исполнительную* (исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер) и *уголовно-надзорную* (осуществление административного надзора в отношении определенных категорий лиц, освобождаемых из мест лишения свободы).

В этой «цепочке» властей главное место занимает *власть уголовно-правовая*. С нее начинается и ею, собственно, и заканчивается *уголовно-правоохранительная* власть, «отвечающая» в целом за состояние правопорядка в стране, за его охрану от преступлений, за устранение угрозы совершения последних.

Приходится с горечью констатировать, что, несмотря на отмеченную многоструктурность *уголовно-правоохранительной* власти и огромные затраты на ее содержание, она пока еще далеко не в полную меру справляется со своими задачами по преодолению преступности, вследствие чего последняя продолжает, образно говоря, здравствовать, обретая свою собственную *власть*, распространяющуюся сегодня буквально на все сферы жизнедеятельности.

В настоящее время человек, общество, государство оказались по существу беззащитны перед лицом преступности. Преступления совершаются практически в любое время, в любом месте, в любой обстановке, а лица, их совершающие, в большинстве случаев оказываются безнаказанными, и это, естественно, открывает путь к совершению новых преступлений. В результате

получается так, что страна как бы превращается в какой-то криминальный концлагерь, а в определенной мере – налицо мы имеем и своеобразный холокост, если учесть распространенность опасного для здоровья и самой жизни людей фальсификата на продовольственном рынке, и в особенности – на рынке фармацевтическом¹.

Почему же так выходит, что у семи няnek (по числу структурных элементов уголовно-правоохранительной власти) – дитя без глаза? Основных причин тому, как мы полагаем – тоже семь.

Первая причина галопирующей преступности состоит в том, что ни одна из властей, образующих в единстве уголовно-правоохранительную власть в целом, не обеспечена надлежащей правовой базой. У нас *есть* уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы, но в них так часто вносятся изменения, что они превращаются фактически в текущую и текучую правовую материю, мало пригодную для практической реализации.

Когда мы всматриваемся в содержание законов Российской империи, решавших по существу те же задачи, что и названные нынешние кодексы, то они нам напоминают нечто вроде старых дедовских и прадедовских табуреток, которые, кстати, кое-где до сих пор остались в домах, и даже продолжают отвечать своему назначению – как правило, в гаражах, сараях, садовых домиках. Нынешние же наши кодексы таковы, что правопорядок у нас больше держится не на них, а на, так сказать, на «честном слове» преступника: захочет – совершит преступление, не захочет – «отдохнет», то есть попьет водки, побалуется с женщинами, наберется сил, а потом – снова за старое.

Разработка новых уголовно-правоохранительных кодексов (собственно уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного), которые могли бы действовать в практически неизменном виде в течение достаточно продолжительных периодов времени (скажем, в течение 20-25 лет), есть первейшая задача.

¹ Серьезное беспокойство по данному поводу справедливо высказывает В.В.Лунеев (см.: Лунев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 5-15).

Вторая задача совершенствования правовой основы уголовно-правоохранительной власти – это подведение соответствующих правовых фундаментов под уголовно-профилактическую, уголовно-тактическую, уголовно-криминалистическую и уголовно-надзорную власти. Эти фундаменты, на наш взгляд, тоже могут быть исполнены в виде самостоятельных кодексов – соответственно уголовно-профилактического, уголовно-тактического, уголовно-криминалистического и уголовно-надзорного.

Наконец, третья задача в рассматриваемой сфере состоит, как мы полагаем, в том, чтобы уголовно-правоохранительное законодательство в части его конкретики (особенные части) передать в ведение субъектов Федерации, сохранив за федеральным центром функцию принятия в основном принципов и других базовых общих положений соответствующих отраслей законодательства. При этом за федеральным центром необходимо сохранить и право принятия законодательства об ответственности за преступления против государственной власти, мира и безопасности человечества.

Вторая причина того, что преступность у нас «разбушевалась», заключается в том, что существует обстановка «разброда и шатаний» в самих уголовно-правоохранительных органах. Не только полиция, но и все другие уголовно-правоохранительные органы нуждаются в реформировании, в том числе ФСБ, таможенные органы, прокуратура, суды и т.д. Начинать надо, как мы полагаем, с сокращения управленческих штатов всех уголовно-правоохранительных органов (как минимум, наполовину), то есть с освобождения всех этих органов от ненужного балласта, в том числе коррупционного, паразитического, малограмотного в профессиональном смысле.

Вторым шагом в рассматриваемом направлении должно стать пополнение названных органов новыми сотрудниками – хорошо подготовленными и характеризующимися необходимыми для соответствующей работы морально-нравственными качествами.

Третья причина – нет необходимого взаимодействия между уголовно-правоохранительными органами. Уголовно-правоохранительная система ра-

ботает в настоящее время несбалансированно, а поэтому – и крайне неэффективно. Отчасти отдельные ее структуры работают подобно лебедю, раку и щуке – из известной басни И.А.Крылова, то есть тянут дело в разные стороны, причем путаясь друг у друга под ногами, а подчас и враждуя между собой.

К тому же уголовно-правоохранительные органы давно уже утратили всякую возможность опираться на общественное содействие, поскольку не пользуются авторитетом у граждан, не взаимодействуют с ними, и даже испытывают по отношению к ним определенное недоверие – если не сказать неприязнь или даже некоторую враждебность.

То же самое наблюдается и во взаимоотношениях уголовно-правоохранительных органов с институтами гражданского общества, субъектами экономической деятельности, государственными и муниципальными органами, их учреждениями, организациями, предприятиями.

Все здесь надо менять.

Четвертая причина – нет общественного контроля за состоянием правопорядка и деятельностью уголовно-правоохранительных органов. Вне такого контроля уголовно-правоохранительная власть замыкается в себе и, работая как бы в безвоздушном пространстве, не может нормально осуществлять свои функции. Она отрывается от общества и функционирует не только независимо от него, но подчас и в *противовес* ему.

Но, как известно, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, а тем более нельзя с ним «бодаться» – даже если речь идет о властных государственных структурах – как, впрочем, и о государстве в целом. И если уголовно-правоохранительным органам все все-таки как-то удастся сохранять противостояние с обществом, то они, конечно же, должны быть поставлены на место.

Сделать это должны структуры самоорганизации общества (гражданское общество) вместе с государством. Между партнерами этого большого дела должно быть заключено соответствующее соглашение, для чего гражданское общество должно сформировать какую-то общую свою структуру –

например, в виде федерального общественного совета – со своими подразделениями в регионах и на местах.

Пятая причина – игнорирование властью как собственного положительного уголовно-правоохранительного опыта, так и аналогичного зарубежного опыта. Сотрудники наших уголовно-правоохранительных органов редко практикуют ознакомительные поездки за рубеж и фактически не «заглядывают» достаточно пристальным взором в собственную историю. В результате довольно часто получается самодеятельность и изобретательство велосипеда. Начинать эту работу надо с интеграции усилий государств ближнего зарубежья, постепенно распространяя географию сотрудничества на весь мир.

Шестая причина того, что в настоящее время в противодействии преступности уголовно-правоохранительные органы теряют одну позицию за другой, заключается в общей слабости нашей уголовно-правоохранительной науки. Сегодня, ввиду отсутствия научно обоснованной статистики преступности, мы все еще не знаем, с чем и как должны бороться, сколько и каких преступлений у нас вообще совершается, кто и почему их совершает.

В то же время ученые порой годами и десятилетиями гоняют одни и те же мысли по кругу, публикуют работы, которые никому не нужны, устраивают конференции, практическая отдача от которых – круглый «ноль», организуют защиты диссертаций, которые часто содержат более чем сомнительные положения и выводы².

Важно поднять на более высокий уровень аналитическую работу и в самих структурах уголовно-правоохранительной власти. Для этого, вместо ведомственных научно-исследовательских институтов по изучению проблем преступностью и направлений их решения, предлагается создать *один* такой (межведомственный) НИИ – со своими филиалами в различных уголовно-правоохранительных ведомствах и в регионах.

² Например, по теме о мошенничестве на потребительском рынке защищаются подчас диссертации, которые и сами буквально пестрят элементами, мягко говоря, недобросовестности. Один из наглядных тому примеров см.: Киселева И.А. Мошенничество на потребительском рынке: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, 2011. 31 с.

То же самое следует сделать с ведомственными вузами, которые в настоящее время поставили по существу «на поток» дело подготовки «специалистов» больше по выстраиванию коррупционных взаимоотношений с субъектами среды функционирования, чем по борьбе с преступностью.

Наконец, *седьмая причина* активного наступления преступности буквально на все сферы жизнедеятельности состоит в отсутствии в стране надлежащей системы подготовки и переподготовки сотрудников уголовно-правоохранительных органов.

Преподаватели с вузовских кафедр чаще всего учат студентов тому праву, которого у нас нет, никогда не было и никогда не будет, то есть, попросту говоря, морочат головы студентам, вместо того, чтобы по-настоящему учить их будущей профессии.

Да и как они, эти преподаватели, вообще могут успешно заниматься своим делом, если сами в большинстве своем никогда в жизни не были практикующими юристами. А если когда-то и были ими, то за многие годы отрыва от практики основательно ее забыли и, как правило, вообще потеряли всякую способность мыслить практическими категориями.

Каждые, как минимум, три-пять лет каждый преподаватель каждого юридического вуза должен пройти, как минимум, месячную стажировку в уголовно-правоохранительных органах, а ежегодно – как минимум, недельную. Иначе – полные, как говорится, «кранты» всему нашему уголовно-правоохранительному делу.

Все это в комплексе способно, на наш взгляд, принести ощутимую пользу правопорядку, законности и делу наступления на преступность, то есть делу, открывающему новые горизонты нашего движения вперед.

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,

зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород,

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН,

член Российской криминологической ассоциации,

руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам

Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Панченко Павлу Николаевичу.

Домашний адрес по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомьжского, дом 19, корп. 5, кв. 67.

Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.